

В Пекине наступила зима, и начался первый снегопад. Шёл сильный снег, и княжеская резиденция закрылись для посетителей. Чжу Ди уже не притворялся сумасшедшим и, сидя вместе с Сюй Вэнь у печи, держал в руках книгу. Покачивая головой, он рассказывал своей тигрице истории.

Тогда пришёл Тоба Фэн.

Он переступил порог комнаты и сразу же направился к Чжу Ди, сказав:

— Дай мне один лян серебра.

Сюй Вэнь, с большим увлечением слушавшую рассказ, прервали, и она пришла в ярость, бросив:

— Нет. И куда это ты собрался!

Тоба Фэн не ответил и уставился на руку Чжу Ди, которая уже полезла в одежду за деньгами. Сюй Вэнь снова произнесла:

— Такой здоровяк. Работаешь ты мало, зато вот ешь довольно много. Неудивительно, что мой второй брат не смог тебя содержать...

Чжу Ди, видя недовольство своей покорной жены, не посмел вытащить деньги и сказал:

— Фэн-эр, куда ты собрался? Сначала объяснись.

Тоба Фэн ответил:

— Я возьму Юньци погулять, деньги нужны на еду.

Сюй Вэнь закатила глаза и сказала:

— Дай ему.

Только тогда Чжу Ди протянул Тоба Фэну серебро и, указав на полку, сказал:

— Надень шарф. Смотри, не простудись на холодном ветру.

Тоба Фэн равнодушно пошёл взять шарф, а Сюй Вэнь снова фыркнула:

— Никакого уважения к вышестоящим. Ты должен называть его младшим шурином...

Тоба Фэн пробормотал:

— Это я сверху, а он снизу...

Сюй Вэнь мгновенно оцетинилась и уже уперла руки в боки, чтобы отругать его, но Чжу Ди громко воскликнул:

— Взгляни, Чжао Цзылун* в серебряных доспехах...

* Вежливое имя Чжао Юня, полководца, жившего во времена поздней династии Хань и ранней эпохи Троецарствия в Китае.

Внимание Сюй Вэнь отвлеклось, и Тоба Фэн, схватив шарф, поспешно ретировался.

— Я добыл один лян серебра, — заявил Тоба Фэн.

Юньци, одетый в шубу на лисьем меху и заячью шапку, уже давно ждал у входа. Увидев, что пришёл Тоба Фэн, он сказал:

— Мой зять настолько скуп? Ты уже почти полгода служишь в его доме, а он до сих пор не платит тебе ежемесячное жалование.

Тоба Фэн ответил:

— Я должен ему двенадцать лянов. Сейчас их вычитают из жалованья, к следующей весне всё верну.

Тоба Фэн развернул длинный шарф, встряхивая его, и сказал:

— Когда расплачусь, всё жалованье буду отдавать тебе...

С этими словами он обмотал одну половину шарфа вокруг себя, а другую затянул мёртвым узлом на шее Юньци, чуть не выдавив тому глаза, и поволок его за собой.

Река Юндинхэ протекала через Пекин. Близился конец года, наступил период затишья в полевых работах, и весь город наполнился оживлением. В чайных вдоль дорог слушали рассказы, под мостом Тяньцяо играли на музыкальных инструментах, пели и танцевали, поток пешеходов не иссякал. По обеим сторонам моста Лугоуцяо, одного из восьми видов Яньцзина*, собрались бесчисленные торговцы и мелкие разносчики.

* Старое название Пекина.

Тоба Фэн держал Юньци за руку, их десять пальцев были крепко переплетены. Два статных мужчины, идущие рука об руку, выглядели в глазах прохожих крайне двусмысленно.

Однако Тоба Фэн, давно привыкший к этому, спросил Юньци:

— Вон там лепят обезьянок из теста, хочешь?

Пожилой мужчина разложил лоток с фигурками из теста. На бамбуковых подставках были воткнуты Диань Вэй с жёлтым лицом, Чжан Фэй с чёрным лицом, а также стоящий на коленях Цинь Хуэй и полный воодушевления Юэ Фэй* — все выглядели как живые.

* Дянь Вэй (□□) — военачальник эпохи Троецарствия, был личным телохранителем Цао Цао. Чжан Фэй (□□) тоже военачальник эпохи Троецарствия. Цинь Хуэй (□□) — сановник времен династии Сун, предавший генерала Юэ Фэя. Юэ Фэй (□□) — национальный герой Китая, возглавил оборону страны от вторжения чжурчжэней.

Юньци немного постоял, наблюдая за процессом, и ему стало очень интересно. Он сказал:

— Эй, дядя, слепите вот этого высокого парня...

С этими словами он указал на Тоба Фэна.

— Хорошо! — старик рассмеялся и велел Тоба Фэну стоять смирно. — Оба братца одинаково прекрасны, словно яшмовое дерево на ветру...

Лицо Тоба Фэна слегка покраснело. Он постоял с невозмутимым выражением, затем внезапно развернулся и быстрыми шагами ушёл.

— Эй! — Шарф на шее Юньци резко натянулся, чуть не перехватив дыхание. Он взревел: — Куда ты?!

Тоба Фэн сказал:

— Нужно разменять серебро.

«...»

Тоба Фэн, таща за собой Юньци, отошёл на некоторое время, затем снова вернулся, кинул медные монеты на прилавок и сказал:

— Слепите нас двоих вместе.

«...»

Юньци не знал, смеяться ему или плакать, и мог только позволить Тоба Фэну положить руку ему на плечо и стоять неподвижно. Они вдвоём, как дураки, ждали битый час, и лица их безостановочно пылали. Юньци чувствовал, как на них устремлены многочисленные странные взгляды окружающих.

Когда, наконец, фигурки из теста были готовы, Тоба Фэн воткнул деревянные палочки в край шапки Юньци и повёл его за собой, гуляя туда-сюда. Купив свёрток жареных каштанов, они уселись на каменные перила у моста Лугоуцяо.

— Давай поедим, садись на колени к ши-гэ, — сказал он.

Юньци ответил:

— Нельзя... сколько людей смотрят.

Тоба Фэн потянул Юньци, усадив его верхом на свои бедра. Они обнялись лицом к лицу, и Юньци покраснел до самых ушей, прошептав:

— Это неприлично...

Тоба Фэн обнял его за талию и притянул ещё ближе. Юньци горел от смущения, но подумал, что раз не он сам повернут лицом к улице, если на них будут глазеть, это будут целиком проблемы Тоба Фэна, поэтому позволил ему своевольничать.

Однако Тоба Фэн вёл себя ещё более непосредственно. Когда кто-то с любопытством разглядывал их, он грубо бросал:

— Чего уставились?

Прохожие испугались и поспешно удалились. Только тогда Тоба Фэн, наконец удовлетворённый, протянул свои длинные пальцы, достал каштан, очистил его и покормил Юньци.

Тот с красным лицом жевал каштан и рассеянно смотрел в сторону реки Юндинхэ. Там он увидел предсказателя, который нёс тканевую вывеску, ступая вдоль берега.

Тоба Фэн повернул голову, проследив за взглядом Юньци, и поднял каштан. Он метнул его со

свистом и попал в гадателя, отчего тот пошатнулся

— Иди сюда! — крикнул он.

«...»

Юньци спросил:

— Что ты опять задумал?

Предсказатель одним взглядом оценил роскошную одежду Тоба Фэна и сразу понял, что это человек из княжеской резиденции. Не смея ему перечить, он поспешно поднялся на мост Лугоуцяо.

Тоба Фэн достал два цянтя серебра и отдал гадателю:

— Скажи пару приятных слов, вот тебе деньги.

Юньци был окончательно разбит.

Увидев кусочки серебра, гадатель тут же пришёл в восторг и поспешно произнёс:

— У братца гордая осанка и величавый вид! Вы словно дракон и феникс среди людей*. Необыкновенны, просто необыкновенны!

* Дракон и феникс среди людей (□□□□) — обр. выдающаяся личность.

— О, — с серьёзным видом произнёс Тоба Фэн. — А что насчёт брачной судьбы этого братца?

Гадатель воскликнул:

— Конечно, само собой! Ваш брак заключён на небесах, талантливый муж и прекрасная жена*!

* Талантливый муж и прекрасная жена (□□□□) — обр. хорошая пара.

Тоба Фэн взял Юньци за подбородок, повернул его лицом к предсказателю, и они встретились взглядами.

«...»

У шарлатана в голове роились вопросы. Брови Юньци, прямые, словно мечи, поднимались к вискам. Его взгляд был пронзителен и грозен, а глаза ярко светились, словно звёзды. Это были явно мужские черты. Однако, начав, он уже не мог остановиться и скрепя сердце продолжил:

— Эта... девушка изящна и прекрасна...

— Я мужчина, — рассмеялся Юньци.

Тоба Фэн погладил Юньци по щеке и сказал:

— Женщина.

«...»

Юньци сквозь зубы процедил:

— Мужчина!

У гадалея волосы на спине встали дыбом, и он заискивающе улыбнулся:

— Ладно, этот простолюдин подарит вам, молодым господам, предсказание и талисман... чтобы обеспечить вам... э-э... чтобы, если желаете любви, была любовь, а если желаете богатства, было богатство. Я, мелкий колдун Ван...

С этими словами он поспешно отвязал бамбуковую трубку с предсказаниями, прикреплённую к вывеске, вытащил талисман и протянул его Тоба Фэну. Тот сказал:

— Хм, можешь идти.

Юньци рассмеялся:

— Что это за странная штукавина, дай и мне посмотреть...

Тоба Фэн развернул талисман, взглянул и сказал:

— Простая бумажка, у тебя тоже такая есть.

С этими словами он дотронулся пальцами до шеи Юньци, вытащил тот самый заветный мешочек, вскрыл его, и достал талисман. Оба были абсолютно одинаковыми, только один был новым, а другой из-за долгих лет потускнел. Киноварь на нём выцвела, став серовато-жёлтой.

Внезапно за спиной Юньци раздался громкий голос:

— Эта старая бумажка — буддийский амулет «призывания ветра и дождя», не стоит её так просто выбрасывать.

Тоба Фэн и Юньци одновременно слегка нахмурились.

Перед ними появился даосский монах, выглядевший старше семидесяти лет, с седыми волосами и бородой, но румяным лицом.

Судя по полному сил голосу, старый даос, должно быть, практиковал самосовершенствование. Неизвестно, сколько лет он прожил, но на его лице виднелись признаки вернувшейся молодости. Он был неряшливо одет, его даосское одеяние было засаленным, за спиной висел длинный меч, а на голове — даосская шапка с семью звёздами. Он с улыбкой смотрел на Сюй Юньци и Тоба Фэна.

Юньци поспешно поправил шарф и повернулся:

— Как к вам* обращаться?

* 老人家 [lǎorenjia] — почтенное обращение к старым людям.

Старый даос поклонился в пояс и улыбнулся:

— Фамилия этого бедного даоса — Чжан. Позвольте спросить, молодые люди... как пройти в резиденцию Янь-вана?

Чжу Ди много с кем завязал знакомство, и люди всякого толка* в Пекине знали, что Янь-ван относится с уважением к мудрецам и милостиво — к просто образованным людям. Поэтому многие стремились к нему присоединиться. Супруга Янь-вана, Сюй Вэнь, строго заведовала финансами Чжу Ди, но к гостям, пришедшим за подаванием, относилась очень щедро. Был период, когда в резиденции Янь-вана было шумно, как на рынке, и на всех улицах и переулках только и хвалили Чжу Ди. Всё это было заслугой Сюй Вэнь по поддержанию его репутации.

* Досл. «три учения и девять течений» (三教九流).

Говоря о буддийских и даосских монахах, Яо Гуансяо был лучшим примером. Теперь, когда этот старый даос спросил дорогу, Юньци не придавал этому особого значения и не знал, что за человеком был этот неряшливый даос Чжан Цзюньбао. Он просто указал направление и позволил ему идти своим путём.

Постепенно смеркалось, и с неба падали мелкие снежные хлопья. Тоба Фэн по-прежнему

обнимал Юньци, не давая ему уйти. Они сидели на перилах моста, шепотом говоря друг другу слова любви, как вдруг Тоба Фэн сказал:

— Не уходи.

Эта фраза была произнесена ни с того ни с сего, и только Юньци понимал её скрытый смысл.

Он тихо вздохнул и ответил:

— Наставник Цзян в Нанкине, а шинян в прошлом спасла тебе жизнь. Жун Цин и остальные братья всё ещё ждут меня. Как я могу так просто всё бросить? Не говоря уже о Юньвэне, я не могу просто так беззаботно оставить других.

Тоба Фэн равнодушно сказал:

— Напиши туда письмо, пусть Жун Цин возглавит этих прихвостней.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Ты думаешь, всё так просто.

Если Юньци не вернётся в Нанкин, это дело точно не удастся разрешить по-хорошему. Пожалуй, если начнутся разборательства, вину обрушат на всю систему Цзиньвэй, включая даже Цзян Хуаня. Ещё более страшно, что в гневе Юньвэнь может послать войска против Чжу Ди, и тогда Янь-ван окажется в ещё более зависимом положении. Юньци понимал, что, несмотря ни на что, он должен вернуться.

Пока Юньци размышлял, Тоба Фэн равнодушно сказал:

— Раз уж ты решил возвращаться, ши-гэ должен с тобой условиться об одной вещи.

— У каждого из нас свой хозяин, — тихо и серьёзно продолжил он. — Цзиньвэй всегда остаются в Нанкине и защищают императора, им не нужно выступать в походы и воевать. Поэтому я могу не бояться, что, если армии столкнутся, тебя ранят.

— Но если князь действительно развяжет войну...

Сердце Юньци дрогнуло, он протянул мизинец, переплёл его с пальцем Тоба Фэна и потянул. Тоба Фэн улыбнулся и сказал:

— Ты не должен рисковать жизнью.

Юньци хмыкнул, и Тоба Фэн добавил:

— Я тоже не буду рисковать своей жизнью. Если твой хозяин проиграет, жди ши-гэ за каменной горкой в императорском саду.

Юньци рассмеялся:

— Ладно, а если твой хозяин проиграет... тебе придётся найти способ защитить его и мою старшую сестру... хм...

Тоба Фэн подхватил:

— Я отведу их к реке Керулен и буду ждать тебя там.

Юньци не удержался от смеха:

— Ты и правда на такое способен?

Тоба Фэн кивнул:

— Положись на ши-гэ. Ты тоже должен придумать способ, когда вернёшься в столицу. Лучше всего, если они не станут уменьшать владения удельных князей, но если и станут, ничего страшного, не принимай это близко к сердцу.

Юньци мягко улыбнулся:

— Делать всё, что в человеческих силах...

Тоба Фэн кивнул:

— А остальное оставить на волю небес.

В тот миг туман, давивший на сердце Юньци, наконец рассеялся. Чувство беспомощности от того, что плывёшь по воле волн и течений и не владеешь собой в великую эпоху, исчезло без следа благодаря этому обещанию Тоба Фэна.

До приезда в Пекин он, можно сказать, шёл по канату над глубочайшей бездной, но с этого момента наконец ступил на твёрдую и безопасную землю.

Даже если при императорском дворе будут бушевать ветры перемен, и на троне сменится

правитель, ничто не сможет поколебать их сплетённые пальцы. Он верил Тоба Фэну, а Тоба Фэн верил ему — это было их молчаливое понимание, возвращённое с детства, которое они провели вместе.

— Ши-гэ, это тебе. — Юньци снял с шеи маленький мешочек, вынул нефритовую подвеску, передал оберег Тоба Фэну, а подвеску оставил себе.

Тоба Фэн рассмеялся:

— Старая бумажка. Пошли домой ужинать, я голоден.

Вернувшись в княжескую резиденцию, они обнаружили, что старый даос, спрашивавший дорогу днём, оказался почётным гостем Чжу Ди. Сюй Вэнь, ведя Юньци, почтительно поклонилась как младшая. Затем она распорядилась начать пир. За вином старый даос Чжан и Чжу Ди беседовали о делах прошлой династии, упоминая Чэнь Юляна, Хань Линь-эра и другие события времён восстания Чжу Юаньчжана, отчего сердце Юньци наполнилось подозрениями.

Сколько же лет этому старикашке?

Чжу Ди несколько раз уговаривал старого даоса Чжана остаться, и неряшливый даос с радостной улыбкой согласился провести несколько дней в княжеской резиденции.

На следующее утро с криком петуха Юньци проснулся и по привычке перевернулся, чтобы закинуть ногу на поясницу Тоба Фэна, но обнаружил, что место оказалось пустым.

Он потёр глаза и сел. Угольная печь пылала ярким пламенем, в вазе у изголовья стояла ветка ароматного химонанта, а из-за двери доносился громкий голос старого даоса Чжана.

— Игра на лютне*!

* 5 шаг из 24 форм Тайцзицюань, боевой оздоровительной гимнастики.

Тоба Фэн безразлично повторил:

— Игра на лютне...

Сюй Вэнь и Чжу Ди протяжно подхватили:

— Игра на лютне...

Юньци, улыбаясь, поднялся, оделся и вышел за дверь, но едва не поскользнулся и не упал на

снег.

Старое чудище, ааа!!

Старый даос Чжан стоял с обнажённым торсом, демонстрируя белые плечи и спину. Его пышущие здоровьем мускулы совсем не отличались от тела молодого человека. Пока он стоял спиной к Юньци, он округлил руки, его волосы и борода колыхались, и он низким голосом произнёс:

— Два начала и четыре стихии*, вечное круговращение...

* Два начала — небо и земля, инь и ян, прообразы всего сущего. Четыре стихии — металл, дерево, вода, огонь.

Тоба Фэн стоял, голый по пояс, а рукава его формы стражника были завязаны узлом на талии, обнажая бронзовые плечи и спину. Он расставил ноги в стойке всадника, очерчивая локтями круги, и повторял за старым даосом Чжаном движения из боевых искусств.

Чжу Ди тоже стоял с обнажённым торсом. Его шея, плечи и спина покраснели от холода, и он, словно обезьяна, озирался по сторонам. Увидев, что движения кулачного искусства старого даоса Чжана очень медленные, он принял стойку «золотой петух стоит на одной ноге» и быстро затараторил:

— Чжэньжэнь*, осмелюсь спросить... если кулачные движения настолько медленные, как же ими можно бить людей?

* Досл. «совершенный человек», «сверхчеловек» (□□) — титул, звание знаменитого даосского деятеля или подвижника рангом выше □□ бессмертного отшельника.

Чжан-чжэньжэнь лишь усмехнулся в ответ.

Сюй Вэнь... Сюй Вэнь не была обнажённой, она была одета в тренировочный костюм и с лёгкой улыбкой сказала:

— Младший брат, уже встал? Иди учись Тайцзицюань у Чжан-чжэньжэня.

Чжан-чжэньжэнь продолжал выполнять движения самостоятельно. Его шаги были плавными, а кулачные формы были подобны плывущим облакам и текущей воде — совершенно незаметны. Юньци немного понаблюдал, встал позади Тоба Фэна и приступил к изучению.

Это, должно быть, боевая техника высокого уровня! Когда Юньци дошёл до движения «дикая лошадь встряхивает гривой», он почувствовал, как внутренняя энергия циркулирует по кругу,

словно планета, вращающаяся вокруг звезды, и смутно согласился концепцией «Всё сущее проходит преобразование»*, ощутив на сердце трепет. Тут же он задействовал свою способность к запоминанию и старательно брал на заметку движения кулачного искусства, преподаваемые Чжан-чжэньжэнем.

* Это выражение восходит к «Книге Перемен», где описывается гармония Неба и Земли (инь и ян), в результате которой все сущее формируется и изменяется, сосуществует и обновляется.

— Разгонять руками облака... — Тоба Фэн покачивал головой и неуклюже повторял за Чжан-чжэньжэнем.

Сюй Вэнь первой ощутила скуку. Только выучив «две вершины ударяют в уши», она смущённо сказала:

— Лао-нян... пойдёт проверит завтрак. — И затем на цыпочках сбежала.

Чжан-чжэньжэнь прищурился и продолжил обучать кулачному искусству. Чжу Ди тоже посмотрел ещё немного и сказал:

— Я тоже... пойду проверю завтрак. — С этими словами тоже сбежал.

Чжан-чжэньжэнь плавно перешёл от «схватить воробья за хвост» к «отражению и удару молотом», затем к «игле на дне моря», «будто бы закрытым створкам» и «крестообразным движениям рук» — всё было выполнено на одном дыхании. Каждое движение казалось Юньци невероятно прекрасным.

— Завершающая позиция. — Всё сущее вернулось в ладонь, небо и земля соединились в глазах. Чжан-чжэньжэнь сомкнул ноги и замер.

Но Юньци застыл в момент опускания рук, лишь сожалея, что пришёл слишком поздно и не увидел предыдущие движения. Придётся позже попросить Тоба Фэна продемонстрировать их снова.

Однако он не был уверен, запомнил ли их этот болван, стоящий, как пень. Такое высокое боевое искусство — какая жалость.

Чжан-чжэньжэнь с улыбкой повернулся и надел даосское одеяние. Все трое стояли на снегу, и их тела излучали тепло. Юньци спросил:

— Это называется Тайцзицюань?

Чжан-чжэньжэнь кивнул и с улыбкой спросил:

— Скажите, вы двое, сколько запомнили?

Юньци немного подумал и ответил:

— От «игры на лютни» до «крестообразного движения руками». Двадцать одну стойку.

Чжан-чжэньжэнь улыбнулся и промолчал, затем спросил:

— А ты, братец Тоба Фэн?

Тоба Фэн рассеянно подумал и ответил:

— Всё забыл*.

* Это отсылка к роману Цзинь Юна «Легенда о Небесном мече и Драконьей сабле» (□□□□□), в котором Чжан Саньфэн обучал Чжан Уцзи Тайцзицзянь — искусству меча тайцзи. Вместо заучивания конкретных движений, они стали инстинктивными, и он запомнил их суть, намерение. Таким образом, Тоба Фэн забыл физические движения, но запомнил внутренний смысл, стоящий за ними.

Чжан-чжэньжэнь рассмеялся, а Юньци было до крайности неловко. Он сказал:

— Чжэньжэнь, не покажете ещё раз? Юньци только что понял, насколько искусно это Тайцзицюань...

Чжан-чжэньжэнь похлопал Тоба Фэна по плечу и сказал:

— Очень хорошо, ты научился. — Затем, обращаясь к Юньци, указал на Тоба Фэна: — Спроси его. — И повернулся, чтобы уйти со двора.

«...»

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Разве ты не всё забыл?

Тоба Фэн с недоумением ответил:

— Кажется, забыл, но, кажется, кое-что запомнил...

После ухода Чжан-чжэньжэня Тоба Фэн наклонил голову, долго думал, а затем попытался продемонстрировать Тайцзицюань. Его движения совершенно не были похожи на то, чему учил Чжан-чжэньжэнь. Ни одно из них не было правильным, но смысл кулачного искусства смутно соответствовал истине круговращения инь и ян.

Юньци смотрел с остолбеневшим взглядом и сказал:

— Не может быть! Это можно делать и так?!

Приближался конец года. Старый даос Чжан прожил в княжеской резиденции уже полмесяца.

Тридцатое число наступило в мгновение ока. Передние ворота княжеской резиденции были закрыты для гостей, а на заднем дворе резали свиней, баранов и готовили пирожные няньгао* к Новому году.

* Няньгао (饅頭) — сладости из клейкого риса.

Юньци почувствовал себя отвергнутым, расстроился и пошёл жаловаться Сюй Вэнь.

Однако та выглядела подавленной и раздражённой. Закатав рукава, она стояла во дворе резиденции. Перед ней были беспорядочно разбросаны редкие ящики, ларцы, бамбуковые корзины и деревянные коробки — явно только что выгруженная с повозок ежегодная дань и прочее.

Юньци немного настроился на эмоции, затем с криком «У-а-а!» бросился к Сюй Вэнь:

— Старшая сестра! Этот старый даос обижает меня!

Сюй Вэнь, не зная, смеяться ей или плакать, сказала:

— Хватит дурачиться, иди помоги старшей сестре пересчитать новогодние подарки. Сверь их со списком и отметь галочкой.

Юньци, закусив верхнюю губу нижними зубами, взял список подарков:

— Десять цзиней дикого женьшеня с гор Дуншань, один ящик морских ушек, четыре пары живых оленей, олени языки, олени хвосты, панты, медвежьи лапы, тигриные, пять видов горных деликатесов в четырёх коробках, одна телега сушёных грибов и диких трюфелей, три пары барсов, две тигриные шкуры...

Юньци обиженно сказал:

— Уже от одного взгляда текут слюнки, второй брат каждый год шлёт тебе подарки... а мне ни разу.

Сюй Вэнь равнодушно ответила:

— Во всём этом дворе нет ни одной вещи, присланной Цзэншоу. Всё это подарки нанимателей земли с северо-востока и тюркских охотников. Теперь рад, когда услышал?

Юньци наклонился, осматривая деревянные ящики, и, не поднимая головы, сказал:

— Подарки от второго брата так задерживаются?

Сюй Вэнь насмешливо ответила:

— Задерживаются? Вряд ли. В этом году Цзэншоу даже письма не написал. Скажи, не странно ли?

Юньци выпрямился и с беспокойством посмотрел на выражение лица Сюй Вэнь. Та продолжила:

— Снаружи все говорят, что императорский двор планирует урезать владения удельных князей. Все заняты тем, что делают вид, словно незнакомы, и держат нос по ветру. В этом году семь княжеских резиденций и шестнадцать провинциальных управлений могут сэкономить на новогодних подарках.

Юньци смущённо сказал:

— Не может быть. Второй брат, он...

Сюй Вэнь фыркнула:

— Раньше старшая сестра всегда сначала отправляла подарки в Янчжоу, Цзэншоу возвращал их, и тогда старшая сестра выделяла часть и посылала тебе. В этом году наши люди дошли до резиденции генерала Сюя в Янчжоу, но ворота были закрыты.

— Императорский двор собирается урезать владения удельных князей, они нацелены на Пекин. Даже семья второго шурина это поняла и знает, что нужно избегать нас. Младший брат, тебе тоже пора уходить, не попади под удар.

Юньци понимал, что Сюй Вэнь сейчас крайне не в духе, и пришлось, отвердив кожу головы, стать козлом отпущения. Он извиняюще улыбнулся:

— Старшая сестра, ты слишком сильно себя накручиваешь.

— Ванфэй чрезмерно беспокоится. На мой взгляд, это на самом деле хороший знак.

Нежный мужской голос раздался позади брата и сестры.

Юньци обернулся и увидел под зимним солнцем изящного высокого мужчину в приталенном индиговом наряде. Одевание было расшито золотыми нитями с узорами водяных облаков, которые подчёркивали его стройную и соблазнительную фигуру, а глаза были чисты, как горный ручей, и светились улыбкой. Он встретился взглядом с Юньци, а затем перевёл его на Сюй Вэнь.

Юньци никогда раньше не видел этого человека, но ощутил невыразимое чувство сходства. Кто же это?

На голове мужчины была невероятно дорогая соболиная шапка. Теперь, в своём элегантном облегающем наряде, он со смехом сказал:

— Взлёты и падения предопределены судьбой. Небеса хотят, чтобы люди смогли различить, кто истинные друзья, кто трава на гребне стены*, а кто родственники. Из-за Цзэншоу ты вымещаешь злобу на Юньци. Какая в этом польза?

* Трава на гребне стены (青青) — человек без твердых убеждений, приспособленец.

Юньци поспешно улыбнулся:

— Ничего такого, мы со старшей сестрой часто так разговариваем. Верно, сестра?

Сюй Вэнь подняла бровь:

— Зачем ты встречаешь в разговор брата с сестрой? Я растила Юньци, не покладая рук, и что теперь, нельзя его поругать...

Юньци: «...»

Тот мужчина усмехнулся:

— Ты растила Юньци? Почему же я об этом не знал? Разве он не с детства служил во дворце и ел за государственный счёт?

Сюй Вэнь на мгновение запнулась, затем махнула рукой:

— Иди, иди, не мешай тут. Твой четвёртый брат лежит в комнате. Сам иди к нему.

Мужчина кивнул, снял с головы шапку из соболиного хвоста, поддел её пальцем и небрежно покрутил. Поворачиваясь, он добавил:

— Я вообще-то не мешать пришёл. Просто зашёл сказать, что коробку с кордицепсом, которую я привёз четвёртому брату для укрепления здоровья, нужно хранить в сухом и проветриваемом месте.

Сюй Вэнь с досадой сказала:

— Как будто эта невестка* никогда не ела кордицепс, чтобы ты меня учил?

* Досл. «жена старшего брата» (□□).

Тот мужчина легко улыбнулся:

— Я знаю, что невестка его ела, просто напомнил на всякий случай.

С этими словами он повернулся и направился во внутренний двор.

Юньци, видя, что этот человек чрезвычайно знаком с резиденцией Янь-вана, ведёт себя, словно у себя дома, а Сюй Вэнь совсем с ним не церемонится, с подозрением спросил:

— Кто этот человек? Я точно его не видел, но почему он выглядит так знакомо?

Сюй Вэнь, вскрывая ярко-красный ящик, рассеянно ответила:

— Нин-ван.

Юньци тут же втянул воздух. Он наконец понял, почему Нин-ван Чжу Цюань казался таким знакомым — в нём было что-то от Чжу Юньвэня. Эта изысканность во взгляде и чертах лица была словно сшита из единой ткани.

Сюй Вэнь подшутила:

— Выглядит как учёный, не правда ли?

Юньци, поразмыслив, кивнул.

Сюй Вэнь добавила:

— Не недооценивай его, этот малый очень силен в военном деле, даже твой зять ему не соперник.

Юньци удивился:

— Он настолько силен? Разве при дворе не говорят, что Нин-ван смог удержать Хуэйчжоу только благодаря силам караула Дояня?

Сюй Вэнь ответила:

— Конечно нет. Нин-ван когда-то почитал нашего отца как своего шифу. В то время ты был ещё маленьким и тебя отправили в Нанкин служить младшим стражником в Цзиньвэй. Стать малолетней невестой* Цзиньвэй довольно унижительно...

* Тунъянси (團圓) — одна из традиционных китайских брачных практик, при которой несовершеннолетних девочек отправляли или продавали в другую семью для воспитания, с условием, что в будущем они выйдут замуж за одного из сыновей этой семьи. Как правило, таких девочек растили вместе с мальчиком.

— Хватит! Старшая сестра!

Сюй Вэнь заметно повеселела и с улыбкой сказала:

— Вообще говоря, он довольно близок с нашей семьёй. Если у тебя будет время, поучись у него. Думаю, на этот раз он пришёл, потому что услышал слухи об урезании владений удельных князей, и ему нужно обсудить это пару дней с твоим зятем.

Юньци хмыкнул, закончив пересчитывать подарки. Он протянул руку, чтобы Сюй Вэнь на неё оперлась, и они, бросив список с дарами, направились в передний зал.

Внезапно они увидели Чжу Ди, который выглядывал из-за угла. Выражения лиц Юньци и Сюй Вэнь мгновенно стали крайне странными. Сюй Вэнь тихо и сердито прошипела:

— Почему ты не с гостем, а подглядываешь из-за угла?

Чжу Ди замахал руками, призывая к тишине:

— Идите сюда! Идите сюда!

«...»

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, спросил:

— Он часто так себя ведёт?

Сюй Вэнь ответила:

— Не обращай на него внимания, опять чудит.

Чжу Ди, скрежеща зубами, сказал:

— Это важное дело! Быстрее! Супруга, возвращайся, тебя это не касается!

Юньци пришлось подойти и заглянуть в зал. Там сидел Нин-ван Чжу Цюань, который, держа в руках чайную чашку, внимательно рассматривал узоры на пиале из заячьей шерсти*.

* Заячья шерсть (兔毛) — вид чёрной фуцзяньской глазури для чайных пиал.

— Что ты опять задумал?

Чжу Ди присел на корточки во дворе, с беспокойством оглядывая закрытую дверь зала. Он поманил Тоба Фэна и сказал:

— А где Чжан-чжэньжэнь? Позови его тоже, есть важное дело, нужна его помощь.

Тоба Фэн ответил:

— Шифу дремлет после обеда, не шуми.

Чжу Ди облизал губы и вдруг увидел слугу, ожидавшего Юньци во дворе. Вспомнив, что тот тоже неплох в боевых искусствах, он подозвал его:

— Тебя зовут Саньбао, верно? Иди сюда.

Так, Чжу Ди, Юньци, Тоба Фэн и Ма Саньбао — четверо разбойников — присели в кружок во дворе, собравшись вместе.

Чжу Ди тихо сказал:

— Помогите князю с одним делом. Мы вчетвером справимся, пусть супруга не вмешивается, это опасно.

Сидящий на корточках Тоба Фэн, услышав слово «опасно», настороженно наострил уши, отодвинул недоумевающего Юньци за спину и сказал:

— Что за дело? Доверь его мне.

Чжу Ди ответил:

— Ты один не справишься, тот парень очень силен в боевых искусствах. Я уже подсыпал в его чай снотворное, но он его не пьёт... Ждите во дворе, когда я брошу чашку как сигнал! После этого вы трое сразу врываетесь!

Чжу Ди, брызгая слюной, празднично командовал:

— Юньци, ты схватишь его за руки, Фэн-эр сгребёт его за талию, я возьму его за ноги, а Саньбао ударит стулом по затылку! Договорились! Не налажайте! Когда дело будет сделано, каждому дам пять цяней серебра за труды!

Юньци будто громом поразило, он с тревогой спросил:

— Ты сказал... кто этот парень? Ты хочешь навредить Нин-вану... твоему семнадцатому брату?!

Чжу Ди с серьёзным видом сказал:

— Какой там вред! Хорошая птица разборчива в деревьях! Ладно, вам этого не понять, просто слушайте мои команды.

Глаза Юньци закружились, как спирали на свечке, отпугивающей комаров, и на мгновение его сознание опустело. Чжу Ди добавил:

— Лао Шици* учился боевым искусствам у твоего отца. Что у тебя за отец был такой... раз его ученика так трудно одолеть... Ладно, решено! Я иду внутрь, вы будьте настороже.

* Такое же прозвище, как и «Лао Ба» Тоба Фэна, только «Шици» — семнадцать (сокращённо семнадцатый брат).

Чжу Ди встал, Тоба Фэн схватил его за рукав и сказал:

— Два ляна.

Чжу Ди с кислым выражением лица ответил:

— Всеми деньгами заправляет Ванфэй. Пощади меня, недавно я уже дал тебе один лян.

Тоба Фэн холодно сказал:

— Это рыночная цена.

Юньци вздрогнул. Он испытал смешанные чувства и без раздумий, только чтобы помочь Тоба Фэну, открыл рот, заявив:

— Два ляна, иначе я закричу.

Чжу Ди поспешно ответил:

— Ладно! Не кричи! Два ляна — так два ляна.

Только тогда Тоба Фэн отпустил его. Чжу Ди провёл рукой по лицу, мгновенно переключившись в режим гостеприимства, повернулся и громко рассмеялся:

— Ах, эта твоя невестка, даже еду ещё не распорядилась приготовить... — С этими словами он вошёл, толкнув дверь.

Тоба Фэн тихо произнёс:

— Ши-гэ пойдёт впереди, а ты следуй за ним. Ворвёмся вместе!

Юньци в растерянности кивнул, и в этот момент из зала донёсся грохот — чайная чашка разбилась.

Тоба Фэн выпрямился во весь рост, испуская убийственную ауру, словно великий генерал, и первым ринулся в гостиную.

А что произошло дальше, узнаете в следующей главе.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326081>